

Criteria for the decision to transfer to the upbringing of a child: historical and legal aspect

E. E. Lekanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-434-445

Research article
Full text in Russian

The relevance of the study of the rights and obligations of parents (persons replacing them) for education using a comparative historical and legal method (by referring to Soviet legal experience) is due to the fact that it was during the Soviet period that criteria were developed that are still used by the courts to resolve cases of placing a child in foster care. The courts of the Soviet period, in the framework of cases on the placement of a child for upbringing in order to comply with the principle of the best interests of the child, were guided by the following factors as decisive: 1) the nature of the relationship between the child and the potential caregiver; 2) housing conditions; 3) moral qualities; 4) marital status; 5) the actual opportunity to engage in the upbringing of the child; 6) the opinion of the child; 7) the attachment of the child to brothers and sisters. The system of criteria for resolving cases on the transfer of a child to foster care in the course of Soviet law enforcement practice began to actively form from 1928 in connection with the participation of guardianship and guardianship authorities in such cases. However, the system of such criteria was not enshrined by the legislator either in the text of the 1926 Code of Civil Procedure of the Year or in the text of the Code of Civil Procedure of 1969. The absence of these factors in the legislation is a kind of omission of the Soviet legislator, which allowed the courts to resolve disputes about the upbringing of children without their analysis and consideration, which was especially widespread in the early years of Soviet power. Only in the post-Soviet period, an approximate system of such criteria was reflected in the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: Soviet family law; minor children; parents; right to education; dispute about education; criteria for resolving cases of education; law enforcement presumption

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lekanova, Ekaterina E. | E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-4350-7955

Критерии разрешения дел о передаче ребенка на воспитание: историко-правовой аспект

Е. Е. Леканова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2023-3-434-445
УДК 347.63

Научная статья
Полный текст на русском языке

Актуальность исследования права и обязанности родителей (лиц, их заменяющих) на воспитание при помощи сравнительного историко-правового метода (путем обращения к советскому правовому опыту) обусловлена тем, что именно в советский период были выработаны критерии, до сих пор используемые судами для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание. Суды советского периода в рамках рассмотрения дел данной категории в целях соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка руководствовались в качестве решающих следующими факторами: 1) характером отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) жилищными условиями; 3) нравственными качествами; 4) семейным положением; 5) фактической возможностью заниматься воспитанием ребенка; 6) мнением ребенка; 7) привязанностью ребенка к братьям и сестрам. Система критериев для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание в ходе советской правоприменительной практики начала активно формироваться с 1928 года в связи с участием в таких делах органов опеки и попечительства. Однако система критериев их разрешения не была закреплена законодателем ни в тексте КЗоБСО 1926 года, ни в тексте КоБС 1969 года. Отсутствие указанных факторов в законодательстве является своего рода упущением советского законодателя, которое позволяло судам решать споры о воспитании детей без анализа и учета необходимых данных, что особенно сильно было распространено в первые годы советской власти. Только в постсоветский период примерная система подобных критериев нашла свое отражение в Семейном кодексе РФ.

Ключевые слова: советское семейное право; несовершеннолетние дети; родители; спор о воспитании; критерии разрешения дел о воспитании; правоприменительная презумпция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леканова, Екатерина Евгеньевна | E-mail: lekanova.katya@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-4350-7955

Исследование права и обязанности на воспитание родителей (лиц, их заменяющих) целесообразно при помощи сравнительного историко-правового метода (путем обращения к советскому правовому опыту, так как именно в советский период были выработаны **критерии, до сих пор используемые судами для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание (дел о воспитании)**).

КЗАГС 1918 года [1], КЗоБСО 1926 года [2], КоБС 1969 года [3] содержали практически одинаковые **правила разрешения дел о передаче ребенка на воспитание**. Если отдельно проживающие родители (а в некоторых случаях и иные лица, которые были вправе претендовать на воспитание ребенка) не могли прийти к соглашению, кто будет проживать совместно с ребенком, то возникал спор о детях, который подлежал разрешению в судебном порядке (ст. 158 КЗАГС 1918 года, ст. 40 КЗоБСО 1926 года, ст. 55 КоБС 1969 года). При разрешении такого спора суд должен был руководствоваться принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 153 КЗАГС 1918 года, ст. 33 КЗоБСО 1926 года, ст. 55 КоБС 1969 года).

Ни КЗАГС 1918 года, ни КЗоБСО 1926 года, ни КоБС 1969 года не содержали даже примерного перечня критериев, в зависимости от которых суд должен был отталкиваться, решая, кому на воспитание должен был передан ребенок. Это говорит о сугубо **ситуационном характере** законодательной регламентации вопроса по передаче ребенка на воспитание, то есть при разрешении данной категории дел усмотрение судей в советский период было крайне широким.

Так, в 1924 году гражданка К. М. Ф. обратилась в суд с «исковым прошением» о **расторжении брака, оставлении с ней ребенка, родившегося в этом браке, и взыскании с мужа на содержание ребенка 5 рублей ежемесячно**. Истица в качестве мотива для развода указала то, что ее полгода назад «выгнал муж из дому» и жить она теперь с ребенком стала у отчима и матери. При этом весной 1924 года, аккуратно перед рассмотрением анализируемого дела, у отчима истицы «погорел» дом.

Свидетели со стороны истицы указали на следующие факты. Жизнь истицы К. М. Ф. в хозяйстве была плохая, в семье ее ненавидели. Гражданин К. Н. В., отец ребенка, бил свою жену. Ребенок должен находиться у матери, так как мать К. М. Ф. любит ребенка больше, чем отец. У отца ребенка имеется любовница, у которой родился от него ребенок. Хозяйство К. Н. В. среднее, а хозяйство отчима истицы плохое.

Ответчик гражданин К. Н. В. сообщил, что ребенка хочет воспитывать сам. Домохозяином в семье ответчика выступал его отец. Семья ответчика после расставания с женой составляла пять человек. Их общее хозяйство включало в себя земельный участок, лошадь, корову, «подтелка», овцу.

Свидетель со стороны ответчика, гражданин Б. Н. С. показал, что хозяйство у гражданина К. Н. В. среднее: земельный участок и дом, требующий большого ремонта. Другой свидетель гражданин Л. П. М. указал

на следующие факты, известные ему: «Гражданин К. Н. В. имеет плохой дом, лошадь, одну корову, овцу. Хозяйство [у него] ниже среднего. 5 рублей ежемесячно брать из хозяйства для ответчика очень обременительно. К ребенку ответчик относится очень хорошо. Хозяйство отчима истицы в настоящее время плохое. Весной этого года у них погорели дом и двор. Жену свою Крылов не гнал; ее уговорила уйти от мужа мать». Отец ответчика К.В.Е. сказал, что внука принять в свое хозяйство желает.

Поверенный ответчика гражданин Г. С. М., член Коллегии защитников, заявил: «В хозяйстве его доверителя ребенок может получить более хорошее воспитание, чем у матери, ибо мать имеет беспокойный характер, что она доказала тем, что несколько раз уходила от мужа и опять возвращалась. Содержать ребенка в равных долях должны и отец, и мать. В крестьянском хозяйстве истратить на воспитание ребенка 10 рублей немыслимо».

В своем решении Народный Суд 2-го района Угличского уезда Ярославской губернии относительно воспитания ребенка ограничился одной фразой: «Рожденный от этого брака сын А. (1 год 7 месяцев) остался на воспитании у матери своей». Также суд присудил с гражданина К. Н. В. в пользу истицы на воспитание и содержание сына А. взыскать до достижения ребенком десятилетнего возраста по 3 рубля в месяц и с десятилетнего возраста до достижения совершеннолетия по 5 рублей в месяц¹.

На наш взгляд, недостатком данного судебного решения выступает то, что в нем отсутствует мотивировочная часть. Суд не разрешил по существу вопрос, кем из родителей должен воспитываться ребенок, а только ограничился указанием факта нахождения ребенка на воспитании у матери на момент рассмотрения дела. Несмотря на то что протокол судебного заседания содержит многочисленные свидетельские показания, суд не дал им оценку в своем решении и в целом не пояснил, почему ребенок должен остаться на воспитании у матери. Более того, из материалов дела следует, что дом, в котором стала проживать мать с ребенком после расставания с мужем, сильно пострадал от пожара, что делало невозможным надлежащее проживание в нем. В свою очередь, семья отца ребенка готова была принять ребенка на воспитание, дом у них был в лучшем состоянии, чем у семьи истицы, и фактов плохого обращения ответчика со своим ребенком суд не установил. В связи с этим полагаем, что ребенку было бы целесообразней остаться с отцом, во всяком случае, до улучшения жилищных условий матери.

Также среди документов Государственного архива Ярославской области в г. Угличе нам встретилось дело, согласно материалам которого в 1928 году крестьянка А. М. К. предъявила иск к своему бывшему мужу К. А. Н. **об оставлении ребенка с ней и взыскании алиментов на содер-**

¹ См. подробнее: Решение Народного суда 2-го района Угличского уезда Ярославской губернии РСФСР от 14 мая 1924 по делу № 8 // Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 13. Л. 2, 6–9, 11–12

жание ребенка в размере 3 рублей в месяц. Истица указала, что отец ребенка, по ее сведениям, служит в пастухах и не оказывал несколько месяцев помощи по содержанию ребенка. Ответчик просил оставить ребенка с ним и сообщил, что не имеет денежных средств для уплаты истице на содержание дочери. Народный суд 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии установил, что гражданка А. М. К. вместе с дочерью (2 года) на момент рассмотрения дела проживала в доме, «оставленном при совместной жизни с мужем». Кроме этого дома с огородом, общее хозяйство бывших супругов, раздел которого был запланирован в Земельной комиссии на 21 сентября 1928 года, включало в себя сарай, двух овец и четырех ягнят. Гражданин К. А. Н. поселился «в доме своей матери на квартире». Ответчик пояснил в суде, что только два летних месяца работал пастухом за 40 рублей.

В своем решении суд отметил, что «не усмотрел достаточных оснований из представленных доказательств со стороны ответчика для оставления ребенка у него». Суд пришел к выводу, что гражданин К. А. Н. может и обязан оказывать помощь своему ребенку. Согласно решению Народного суда 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии от 20 сентября 1928 года, ребенок был оставлен с матерью, а отец должен был уплачивать по 3 рубля в месяц на его содержание².

Получается, что именно в первые годы советской власти при решении судом вопроса об оставлении ребенка с одним из родителей начала применяться законодательно не закрепленная **презумпция преимущественного права матери на оставление у нее ребенка дошкольного возраста** при отсутствии исключительных обстоятельств, препятствующих совместному проживанию ребенка с матерью.

Сразу необходимо оговориться, что по данному вопросу имеется иная точка зрения. Так, В. А. Рясенцев отрицает существование данной презумпции во все периоды советской эпохи: «Советское право не знает никаких презумпций в пользу отца или матери при решении спора о ребенке. <...> Хотя дети в раннем, в особенности в грудном возрасте, больше нуждаются в материнском уходе, однако исходя из конкретных условий, суд вправе оставить ребенка и у отца, если в его семье может быть обеспечен надлежащий уход за ребенком. Поэтому является ошибочным взгляд, что дети в дошкольном возрасте всегда должны передаваться матери» [4, с. 144].

Презумпция преимущественного права матери на оставление у нее ребенка дошкольного возраста носит международно-правовой характер. В соответствии с положением принципа 6 Декларации прав ребенка 1959 года [5] «малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исклю-

² См.: Решение Народного суда 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии РСФСР от 20 сентября 1928 года по делу № 524 // Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 8–11.

чительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью». В международно-правовом поле верхняя граница малолетнего возраста составляет 7 лет, так как по смыслу ст. 14, 38, 50, 132 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года [6] недопустимым является разлучение матерей с детьми, не достигшими 7 лет, даже в период войны. Н. Н. Тарусина отмечает, что правоприменительная (фактическая) презумпция преимущественного права матери на оставление у нее ребенка при раздельном проживании родителей должна уходить в прошлое, что, в принципе, и происходит, но не в отношении малолетнего ребенка, так как оставление с матерью ребенка такого возраста соответствует жизненным обычкновениям, природной и социальной сущности материнства [7, с. 81].

На наш взгляд, необходимо также обратить внимание на то, что в указанном деле суд не провел в отношении родителей комплексную оценку факторов, оказывающих влияние на возможности надлежащего воспитания ребенка. Решение об оставлении ребенка с матерью было вынесено за день до предстоящего раздела совместно нажитого имущества, что не позволяло оценить жилищные условия родителей. Ни в протоколе, ни в самом судебном решении не содержится показаний свидетелей о характере отношений между ребенком и его родителями, о нравственных качествах родителей и др. Мотивировочная часть решения суда представлена крайне слабо: суд только указал, что отец ребенка не смог доказать, что ребенка нужно оставить именно с ним, в то время как истица так же, как и ответчик, ограничилась предоставлением сведений о себе, не объяснив суду, почему именно с ней проживать ребенку лучше.

Кроме того, 18 июня 1928 года было принято и вступило в силу Положение об органах опеки и попечительства, утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР, согласно пп. «м» п. 10 которого на окружные, уездные и губернские отделы народного образования возлагается представление народному суду заключений при спорах родителей, не живущих вместе, при ком из них должны проживать дети, а также по делам лишения родительских прав и об отмене усыновления [8]. До 1928 года законодательство (в том числе Инструкция Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР 1919 года «Об организации подотделов опеки»³, Инструкция Главсоцвоса Наркомпроса РСФСР 1922 года «О порядке учреждения опеки и назначения опекунов»⁴) не содержало в качестве обязательного тре-

³ Инструкция Народного комиссариата социального обеспечения РСФСР 1919 года «Об организации подотделов опеки» // ГАРФ. Ф.А-1575. Оп. 10. Д. 5. Л. 14–15 об (Цит. по: Полянский П. Л., Яковлева В. А. Инструкция об организации и порядке деятельности подотделов опеки 1919 года // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 2. С. 105–107).

⁴ Инструкция Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей Наркомпроса РСФСР 1922 года «О порядке учреждения опеки и назначения опекунов» // ГАРФ. Ф.А-1575. Оп. 10. Д. 5. Л. 51 (Цит. по: Полянский П. Л., Яковлева В. А. Ин-

бования для рассмотрения дел, связанных с воспитанием ребенка, наличие заключения органов опеки и попечительства об условиях жизни родителей [9, с. 104–107].

Решение Народного суда 6-го района Угличского уезда Ярославской губернии было принято 20 сентября 1928 года, то есть суд должен был затребовать от отдела народного образования заключение об условиях жизни обоих родителей. Обследование жилищных условий, на наш взгляд, желательнее было бы провести уже после раздела совместно нажитого имущества. Непроведение обследования условий жизни лиц, претендующих на воспитание ребенка, являлось основанием для отмены судебного решения⁵.

Более профессиональным образом стало происходить рассмотрение судебных дел о передаче ребенка на воспитание после 1928 года. Еще одним правоприменительным примером **спора о воспитании детей** выступает дело по иску матери ребенка Ч. К. С. к отцу ребенка Т. А. В. о передаче ей сына на воспитание, рассмотренное Народным судом 1-го участка Красно-Пресненского района города Москвы 28 января 1929 года.

Суд отложил рассмотрение данного дела для привлечения в качестве 3-го лица Московский отдел народного образования (МОНО), чтобы имеющееся при нем опекуновское управление произвело обследование на предмет выяснения условий жизни обеих сторон. Из актов обследования, составленных опекуновским управлением, суд установил следующие факты.

Гражданка Ч. К. С., 23 лет, беспартийная, безработная, член профсоюза, получает пособие с биржи труда. Ч. К. С. замужем состояла два раза, имела от первого мужа дочь Ч. Л. (2 года 7 месяцев) и от второго мужа сына Ч. А. А. (1 год). Ее дочь Ч. Л., от первого брака, находится на попечении бабушки со стороны матери, а не у самой матери на воспитании. Сын А. А. был помещен в ясли, а по вечерам забирался домой. Гражданка Ч. К. С. не проживала в последнее время по месту регистрации. Со слов хозяина дома Щ. С. Г., в котором зарегистрирована по месту жительства мать ребенка, гражданка Ч. К. С. являлась «женщиной легкого поведения, пьяницей, имела мужчин без числа».

Отец ребенка Т. А. В., 33 года, беспартийный, не являлся членом профсоюза, не работал и не состоял на бирже труда. Кроме того, гражданин Т. А. В. имел 2 судимости. Первый раз за спекуляцию был выслан в Соловки на 2 года, второй раз осужден за изнасилование 14-летней девушки на 5 лет, после чего был освобожден досрочно. В настоящее время женат на другой женщине Т. Е. А., вместе с которой воспитывает дочь Т. В. А. (6 месяцев). Отец Т. А. В. отказался взять к себе сына на воспитание. Согласно

струкция об организации и порядке деятельности подотделов опеки 1919 года // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 2. С. 104).

⁵ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 27 июля 1942 года по делу № 36/620 // ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 5. Д. 975. 10 л.

показаниям гражданки В. Е. Р., хозяйки дома, в котором проживал отец ребенка, гражданин Т. А. В. «пропивал каждую попавшую к нему копейку».

На основе выявленных фактов Опекунское управление МОНО постановило просить в суд о лишении обоих родителей родительских прав и передачи сына Ч. А. А. в ведение МОСЗДРАВА. Народный суд 15-го участка 4 марта 1929 года по делу № 15-2.120 удовлетворил просьбу МОНО⁶.

Таким образом, суд, принимая решение о лишении родительских прав родителей, руководствовался следующими факторами: 1) характером отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) нравственными качествами; 3) семейным положением; 4) фактической возможностью заниматься воспитанием ребенка; 5) жилищными условиями. Можно заметить, что после принятия в 1928 году Положения об органах опеки и попечительства рассмотрение дела происходило на более высоком по качеству уровне. В отличие от свидетелей, приглашаемых сторонами по делу, сотрудники отделов народного образования являлись беспристрастными и профессиональными субъектами, предоставляющими характеристику личности и материальных условий лиц, претендующих на воспитание. Привлечение к участию в делах о воспитании органов опеки и попечительства придавало рассмотрению дел данной категории более профессиональный характер.

Еще одним правоприменительным примером спора о воспитании детей выступает *дело по иску гражданки К. А. П. к Ш. В. И. о взыскании алиментов и по встречному иску Ш. В. И. к К. А. П. о передаче ребенка на воспитание*. Из материалов дела следует: ребенок родился в зарегистрированном браке в 1944 году; мать ребенка умерла в 1945 году; с согласия отца Ш. В. И., который учился в военном училище, опекуном его дочери Ш. Т. В. стала бабушка К. А. П. (со стороны матери ребенка). В 1948 году бабушка К. А. П. решила взыскать с Ш. В. И. алименты, а Ш. В. И. предъявил встречный иск о передаче ему дочери на воспитание. Ленинградский городской суд 25 октября 1948 года постановил аннулировать опекунство бабушки К. А. П. и передать девочку на воспитание Ш. В. И., руководствуясь тем, что отец девочки имеет надлежащие материальные условия для воспитания ребенка. По кассационной жалобе К. А. П. Верховный Суд РСФСР указанное решение отменил и отправил дело на новое рассмотрение. Ленинградский городской суд решением от 14 февраля 1949 года взыскал с Ш. В. И. алименты в размере $\frac{1}{4}$ заработной платы ежемесячно до совершеннолетия ребенка и отказал во встречном иске.

Верховный Суд РСФСР 26 марта 1949 года оставил это решение в силе. Однако прокурор СССР просил пересмотреть решение по делу. Верховный Суд СССР, изучив предыдущие судебные решения и заключение отдела народного образования, выявил из них следующие факты, отрицательно

⁶ Решение Народного суда 15-го участка от 4 марта 1929 года по делу № 15-2.120 // Центральный государственный архив Московской области. Ф. Р-966. Оп. 5. Д. 15. 14 л.

характеризующие отца ребенка в качестве его потенциального воспитателя. Во-первых, за 4 года Ш. В. И. ни разу не навещал ребенка, хотя проходил военную службу в городе, где проживала дочь. Во-вторых, Ш. В. И. не предоставлял 4 года материального содержания дочери, несмотря на наличие такой возможности и просьбы бабушки. В-третьих, не имел намерения взять дочь на воспитание до предъявления к нему иска о взыскании алиментов. В-четвертых, вторая жена Ш. В. И., которая в случае удовлетворения требований последнего должна бы заменить ребенку мать, не знает ребенка, к тому же, будучи студенткой техникума, лишена возможности уделить то внимание ребенку, какое уделяет ему бабушка К. А. П. В-пятых, сам Ш. В. И. на момент рассмотрения дела откомандирован для прохождения службы в отдаленную местность и, таким образом, лично участвовать в воспитании ребенка не может. В свою очередь, как следует из заключения отдела народного образования бабушка девочки, напротив, имеет в квартире две комнаты для проживания вдвоем с внучкой, создала все условия, в том числе и материальные, для соответствующего воспитания ребенка, который чувствует к ней привязанность, как к матери.

Верховный Суд СССР указал, что при разрешении вопроса о передаче детей на воспитание от одного лица другому суд в силу ст. 44 КЗоБ-СО РСФСР 1926 года не связан формальным правом родителей и должен исходить при этом исключительно из интересов детей. Верховный Суд РСФСР в заседании от 30 августа 1949 года отклонил протест прокурора СССР, так как сам по себе факт более хорошей материальной обеспеченности отца ребенка не является обстоятельством, достаточным для удовлетворения требования о передаче ему ребенка на воспитание, признав условия для воспитания, созданные бабушкой девочки, наиболее отвечающими интересам ребенка⁷.

Анализ данного дела показывает, что в 1940-х годах суды выносили достаточно аргументированные решения по спорам о воспитании ребенка. Суды, принимая решение об оставлении ребенка на воспитании у бабушки, в качестве решающих факторов в данном деле сочли следующие: 1) характер отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) нравственные качества (искреннее желание бабушки заботиться о внучке и корыстный мотив отца «спастись» от уплаты алиментов); 3) семейное положение потенциального воспитателя; 4) фактическую возможность заниматься воспитанием ребенка; 5) жилищные условия. Советские ученые В. А. Рясенцев и Г. М. Свердлов, анализируя практику Верховного Суда СССР, отмечали, что не являлось решающим в спорах о детях превосходство материального положения той или иной стороны в плане получаемых доходов, так как недостаточные средства лица, у которого ребенок находит-

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 30 августа 1949 года по делу № 36/981 // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 12. С. 39–40.

ся на воспитании, должны были восполняться за счет алиментов на содержание ребенка. Кроме того, родитель, отдельно проживающий от ребенка, был вправе снабжать его дополнительными материальными средствами. В свою очередь, жилищные условия имели гораздо более существенное значение [4, с. 145; 10, с. 200–201]. Данный тезис нашел подтверждение и в проанализированном нами деле.

Также интересным с правовой точки зрения представляется *дело, в котором спор о воспитании детей возник между разводящимися супругами*. Сталинградский областной суд 6 апреля 1950 года удовлетворил иск гражданина Ч. о расторжении брака, оставил дочь Т., 1939 года рождения, на воспитание отцу, а сына Ю., 1941 года рождения, постановил передать матери. Верховный Суд РСФСР 29 мая 1950 года оставил в силе судебное решение в части передачи по одному ребенку на воспитание каждому из родителей. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР сочла решение суда первой инстанции ничем не мотивированным. Верховный Суд СССР указал на наличие привязанности детей друг к другу и на сформированность практически одинаковых условий для надлежащего воспитания у каждого из родителей. Кроме того, Генеральный прокурор СССР предоставил дополнительные материалы о том, что оба ребенка желают проживать вместе с отцом, а с матерью жить отказываются. Еще до расторжения брака супруги жили раздельно, а дети проживали с отцом, а сын Ю. даже не помнит свою мать. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР 29 ноября 1950 года отправила данное дело на новое рассмотрение⁸. Таким образом, в 1940-х годах встречались недостаточно мотивированные решения по спорам о воспитании, но это было уже достаточно редким явлением в отличие от 1920-х годов, с которым эффективно «боролись» высшие судебные инстанции. В данном деле решающими факторами выступили характер отношений между ребенком и потенциальным воспитателем и привязанность детей друг к другу.

Применяя метод обобщения, мы можем увидеть, что суды советского периода в рамках дел о передаче ребенка на воспитание в целях соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка руководствовались в качестве решающих следующими *факторами*: 1) характером отношений между ребенком и потенциальным воспитателем; 2) жилищными условиями; 3) нравственными качествами; 4) семейным положением; 5) фактической возможностью заниматься воспитанием ребенка; 6) мнением ребенка; 7) привязанностью ребенка к братьям и сестрам.

Необходимо обратить внимание, что именно в первые годы советской власти при разрешении дел о воспитании начала применяться правоприменительная презумпция преимущественного права матери на оставление

⁸ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 29 ноября 1950 года по делу № 36/1193 // Судебная практика Верховного Суда СССР. 1951. № 2. С. 41–42.

у нее ребенка дошкольного возраста (при отсутствии исключительных обстоятельств, препятствующих этому).

После принятия в 1928 году Положения об органах опеки и попечительства рассмотрение дела происходило на более профессиональном уровне, так как к участию в делах о воспитании привлекались органы опеки и попечительства. До этого рассмотрение дел о воспитании было крайне формальным. Исследование доказательств должным образом не производилось. Также ни законодатель, ни правоприменитель не требовали производить специализированными органами обследование жилищных условий родителей при выборе того из них, кто будет воспитывать ребенка в случае расторжения брака. В судебных актах отсутствовало и надлежащее обоснование принятого судом решения. В большинстве случаев дети оставались по умолчанию с матерями, несмотря на то что отцы также претендовали на их воспитание.

В свою очередь, можно прийти к выводу, что система критериев для разрешения дел о передаче ребенка на воспитание в ходе советской правоприменительной практики начала активно формироваться с 1928 года в связи с участием в таких делах органов опеки и попечительства. Это позволило постсоветскому законодателю разработать норму о факторах, имеющих юридическое значение при разрешении дел о передаче ребенка на воспитание, которая нашла свое отражение в абз. 2 п. 3 ст. 65 СК РФ: «При отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. При этом суд учитывает привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам, возраст ребенка, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы родителей, материальное и семейное положение родителей и другое)».

Однако, на наш взгляд, исходя из накопленного судебной практикой правоприменительного опыта за 1920–1940 годы, возведение в букву закона факторов выбора судом субъекта воспитательного воздействия для ребенка могло произойти гораздо раньше – в тексте КЗоБСО 1926 года и в тексте КоБС 1969 года. Отсутствие указанных факторов в законодательстве является своего рода упущением советского законодателя, которое позволяло судам решать споры о воспитании детей без анализа и учета необходимых данных, что особенно сильно было распространено в первые годы советской власти.

Ссылки

1. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77, ст. 818 (утратил силу в связи с изданием Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 07.03.1927).

2. Кодекс законов о браке, семье и опеке (введен в действие Постановлением ВЦИК от 19.11.1926) // СУ РСФСР. 1926. № 82, ст. 612 (утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 16.01.1970).
3. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. законом РСФСР от 30.07.1969) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. С. 43 (утратил силу в связи с принятием СК РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ и ФЗ от 15.11.1997 № 143-ФЗ).
4. Рясенцев В. А. Семейное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1967. 224 с.
5. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385–388.
6. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Заключена в г. Женеве 12.08.1949) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами.. М., 1957. Вып. 16. С. 204–280.
7. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 68–84. DOI 10.12737/jrl.2022.073
8. Положение об органах опеки и попечительства (утв. Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 18.06.1928) // СУ РСФСР. 1928. № 75, ст. 524 (утратило силу 16.01.1970).
9. Полянский П. Л., Яковлева В. А. Инструкция об организации и порядке деятельности подотделов опеки 1919 года // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 2. С. 90–109.
10. Свердлов Г. М. Советское семейное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1958. 295 с.